

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тлепцок Р. А. Юбилей и некрологи как инструмент конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии (1865—1925) / Р. А. Тлепцок // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 528—545. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-528-545.

Tleptsok, R. A. (2025). Anniversaries and Obituaries as Tools for Constructing Corporate Identity at Timiryazev Academy (1865–1925). *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 528-545. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-528-545. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Юбилей и некрологи как инструмент конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии (1865—1925)

Тлепцок Руслан Асланович

orcid.org/0009-0001-1443-0701

доктор исторических наук, профессор

кафедры истории

bum102@yandex.ru

Российский государственный аграрный
университет — МСХА
им. К. А. Тимирязева
(Москва, Россия)

Anniversaries and Obituaries as Tools for Constructing Corporate Identity at Timiryazev Academy (1865—1925)

Ruslan A. Tleptsok

orcid.org/0009-0001-1443-0701

Doctor of History, Professor,

Department of History

bum102@yandex.ru

Russian State Agrarian University —
Timiryazev Agricultural Academy
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на основе междисциплинарного подхода, интегрирующего методологию исторической антропологии, социолингвистики и memory studies, исследуется роль юбилейных и некрологических публикаций в периодической печати как ключевого инструмента формирования корпоративной идентичности Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии в 1865—1925 годах. На основе анализа репрезентативного корпуса текстов из специализированных, общественно-политических и массовых изданий раскрываются механизмы конструирования «пантеона славы» академии. Выявляется триединый «паттерн славы», сочетавший ценности передовой науки, свободомыслия и служения народу. Прослежена эволюция коммеморативных стратегий — от осторожной саморепрезентации в юбилей 1890 года до углубленной исторической рефлексии и интеграции в национальный контекст в 1915 году. Особое внимание уделено механизму научной канонизации ключевых фигур (К. А. Тимирязева, И. А. Стебута и др.), чьи биографии в некрологах приобретали черты светской агнографии. В работе доказывается концептуальная устойчивость и гибкость сложившейся системы ритуалов памяти, которая не была разрушена сменой политического режима, а успешно адаптировалась к идеологическим требованиям советской власти, обеспечив тем самым символическую преемственность и сохранение исторической репутации академии в новых социокультурных условиях.

Ключевые слова:

ритуалы памяти; корпоративная идентичность; Тимирязевская академия; юбилейные публикации; некрологи; историческая антропология; коммеморативные практики; периодическая печать.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on a multidisciplinary approach integrating methodologies from historical anthropology, sociolinguistics, and memory studies, this article investigates the role of anniversary and obituary publications in shaping corporate identity within Petrovskajaia (Timiryazev) Agricultural Academy between 1865 and 1925. Through an analysis of representative texts from specialized, socio-political, and mass-circulation publications, mechanisms are revealed for constructing the academy's pantheon of glory. A tripartite pattern of esteem emerges, combining values of advanced science, free-thinking, and service to society. The evolution of commemorative strategies is traced — from cautious self-representation during the 1890 jubilee celebration to deeper historical introspection and integration into national context by 1915. Special attention is given to the process of academic canonization of key figures (K.A. Timiryazev, I.A. Stebut et al.) whose biographies in obituaries acquired traits reminiscent of secular hagiography. The work argues for both conceptual stability and flexibility in established rituals of remembrance, which not only survived changes in political regimes but successfully adapted to ideological demands under Soviet power, ensuring symbolic continuity and preservation of the academy's historical reputation amidst shifting sociocultural conditions.

Key words:

Memory rituals; corporate identity; Timiryazev Academy; anniversary publications; obituaries; historical anthropology; commemoration practices; periodical press.

УДК 92:070.46+378.181+378.4(470-25).096:63“1865/1925”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-528-545

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Юбилей и некрологи как инструмент конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии (1865—1925)

© Тлепцок Р. А., 2025

1. Введение = Introduction

С позиций исторической антропологии, устойчивые человеческие сообщества для воспроизводства во времени создают сложные системы ритуалов и символов, которые не просто отмечают ключевые события, но и конструируют социальную реальность, легитимируют власть и формируют коллективную идентичность [Turner, 1991]. Петровская земледельческая и лесная академия (с 1923 года — Тимирязевская сельскохозяйственная академия) представляет собой исключительно репрезентативный пример такого сообщества, где в условиях модернизации России рубежа XIX—XX веков периодическая печать стала главным «ритуальным пространством» для закрепления ключевых мифов и символов. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения механизмов формирования институциональной идентичности научных учреждений через призму медийных практик. Юбилейные публикации и некрологи в этом контексте представляют собой не просто информационные жанры, а полноценные тексты-ритуалы, выполнявшие функции, сходные с функциями мифов в традиционных обществах [Лотман, 2000].

Анализ ключевых направлений в историографии, фиксирующих исследовательское внимание на изучении ритуалов памяти, свидетельствует, что исследования в этой области носят междисциплинарный характер, объединяя историков, филологов, антропологов и социологов. Современные исследования ритуалов памяти формируются в рамках парадигмы «истории памяти» (memory studies). Ключевой точкой роста этого направления в России стала Международная научная конференция «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» [Репина и др., 2016], которая обозначила широкий круг проблем, включая коммеморативные практики, национальные нарративы и институты памяти. Так, в работах А. И. Рейтблата, С. О. Никиташиной и Т. Г. Букиной некролог рассматривается не просто как информационное сообщение, а как

сложный социальный и биографический жанр, основная функция которого — социализация через демонстрацию социально одобряемых моделей жизни. Авторы указывают, что посредством канонизации определенных личностей общество фиксирует и транслирует свою систему ценностей [Рейтблат, 2014; Никиташина, 2017; Букина, 2020]. Теоретическому осмыслению проблемы создания целостного образа ученого в разнообразных материалах юбилейного характера посвящены работы А. Г. Евтушенко [Евтушенко, 2012] и Г. Г. Хазагеров, Е. Ю. Щемелевой [Хазагеров и др., 2015]. Исследовательское внимание фиксируется на рассмотрении и систематизации типичных недочетов в биографических описаниях, мешающих цельному восприятию личности ученого. Также предлагаются рекомендации, благодаря которым описываемый образ станет частью эмоциональной памяти читателей, создаст целостное представление об ученом и войдет в персонифицированную сферу научного сообщества.

В целом анализ историографии проблемы позволяет выделить несколько перспективных направлений для будущих изысканий. Прежде всего это сравнительные исследования, сопоставление коммеморативных практик в разных профессиональных сообществах (ученых, педагогов, военных, инженеров) и в разные исторические эпохи, что позволит выявить общие механизмы и специфические черты формирования коллективной идентичности. Применение историко-антропологического подхода к изучению юбилеев и некрологов как ритуалов перехода и инструментария конструирования «сакральной истории» институтов представляется достаточно эффективным, а исследование того, как в юбилейных нарративах происходит селекция фактов, формируется пантеон героев и замалчиваются неудобные эпизоды истории, позволит лучше понять механизмы формирования публичного образа организаций. Историография ритуалов памяти прошла путь от изучения некрологов как сугубо биографического жанра до сложного междисциплинарного анализа, в котором эти практики рассматриваются как ключевые инструменты формирования коллективной идентичности, политической борьбы и легитимации социальных институтов, однако ритуалы памяти в периодической печати: юбилеи и некрологи как инструменты конструирования университетской среды — не нашли еще своего должного теоретического осмысления.

2. Материал, методы, обзор= Material, Methods, Review

Цель исследования — анализ механизмов конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии через ритуализированные практики коммеморации в периодической печати. Достижение поставленной цели реализуется через решение следующих задач: выявления струк-

турных особенностей юбилейных и некрологических публикаций, анализа процесса формирования «пантеона славы» академии, исследования риторических стратегий конструирования институционального нарратива. Исследование базируется на комплексном методологическом подходе, интегрирующем достижения современной исторической науки, социолингвистики и исторической антропологии. Изучение ритуалов памяти требует особого внимания к методологическому инструментарию, поскольку коммеморативные практики представляют собой сложный феномен, находящийся на пересечении индивидуального и коллективного, политического и культурного, институционального и повседневного. Основу источниковой базы составляет репрезентативный корпус текстов, включающий несколько типологических групп. Центральное место занимают некрологические публикации и юбилейные материалы, относящиеся к Петровской сельскохозяйственной академии и ее ведущим представителям. Хронологические рамки источникового корпуса охватывают период с 1865 по 1925 годы, что позволяет проследить трансформацию коммеморативных практик в переломную эпоху смены политических режимов.

В структуре источникового корпуса выделяются некрологи профессорско-преподавательского состава (М. П. Щепкина, М. К. Турского, К. А. Тимирязева, И. А. Стебута), юбилейные публикации, посвященные 25-летию (1890 год) и 50-летию (1915 год) академии, биографические очерки и памятные статьи в специализированных изданиях, визуальные материалы: фотопортреты, изображения зданий, зарисовки из академической жизни. Источниковый корпус формировался с учетом стратификации периодической печати по типам изданий, каждый из которых выполнял специфическую функцию в системе коммеморации. Специализированные научные издания («Известия Петровской земледельческой и лесной академии», «Вестник русского сельского хозяйства», «Земледельческая газета») выступали как площадка для профессиональной коммеморации, где формировался канон научных достижений. Общественно-политические журналы («Вестник Европы», «Русская мысль») обеспечивали интеграцию образа академии в общенациональный культурный контекст. Массовые иллюстрированные издания («Нива», «Огонёк») транслировали упрощенный, эмоционально насыщенный образ академии широкой аудитории.

Исследование реализует принцип методологического плюрализма, объединяя инструментарий нескольких научных дисциплин. Из исторической науки заимствован историко-генетический метод, позволяющий реконструировать генезис и эволюцию коммеморативных практик. Историко-сравнительный метод применяется для выявления особенностей коммеморации в различных социальных и временных контекстах. Из со-

циолингвистики привлекается аппарат дискурс-анализа, направленный на выявление имплицитных смыслов и идеологических установок, закодированных в языке коммеморативных текстов. Анализ ведется на трех уровнях: лингвистическом (ключевые слова, риторические фигуры), нарративном (структура повествования, сюжетные линии) и идеологическом (ценностные ориентации, властные отношения). Важнейшей составляющей методологического синтеза является историко-антропологический подход, рассматривающий ритуалы памяти как социальные практики, обладающие собственной логикой и символическим капиталом. В рамках этого подхода коммеморативные тексты изучаются не только как репрезентации реальности, но и как инструменты ее конструирования. Биографический метод позволил проанализировать механизмы конструирования посмертного образа ученого, выявляя стратегии селекции и интерпретации биографических фактов. Каждый некролог рассматривается как акт символической канонизации, в ходе которого происходит трансформация индивидуальной биографии в элемент коллективной памяти.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Юбилейные публикации как инструмент конструирования институциональной легитимности

Данная статья анализирует, как через призму медийных практик формировался «пантеон славы» Петровской земледельческой и лесной академии (позднее Тимирязевской академии) — своего рода «священная история» научного учреждения, призванная демонстрировать его непреходящую ценность для нации.

История любого крупного научного и образовательного учреждения представляет собой не только хронологию его внутреннего развития, но и историю формирования его публичного образа, его репутации в глазах общества и государства. Для Петровской сельскохозяйственной академии (далее — ПСХА), основанной в 1865 году на волне Великих реформ, задача конструирования такого образа была особенно актуальной и сложной. С одной стороны, академия создавалась как прагматичный ответ на вызовы модернизации аграрного сектора империи, как учреждение сугубо практическое и лояльное. С другой стороны, практически сразу она стала эпицентром интеллектуальной и общественной жизни, привлекая свободомыслящую молодежь и профессуру, что закономерно вело к трениям с официальными властями, кульминацией которых стали студенческие волнения 1860—1870-х годов и временное закрытие вуза [Минувшее ..., 1992, с. 67]. В этих условиях периодическая печать, переживавшая во второй половине XIX века свой расцвет, стала главным полем битвы за симво-

лический капитал Академии. Именно на страницах газет и журналов происходила «упаковка» ее сложной и подчас противоречивой истории в последовательные и привлекательные нарративы. Среди всего многообразия журналистских жанров именно юбилейные публикации и некрологи, посвященные ключевым фигурам Академии, оказались наиболее эффективными инструментами для этой задачи. Эти жанры, обладающие высокой степенью ритуализированности и авторитетности, позволяли не просто сообщать факты, но и давать им определенную интерпретацию, выстраивать причинно-следственные связи, создавать пантеон героев и, в конечном счете, формировать то, что мы называем «паттерном славы» — устойчивую, повторяющуюся схему восприятия учреждения.

Попытаемся проследить, как через призму юбилейных статей (к 25-летию в 1890 году и 50-летию в 1915 году), некрологов и юбилейных публикаций в честь профессоров ПСХА (в первую очередь М. П. Щепкина [Фортуна-тов, 1921, с. 2], М. К. Турского [Собичевский, 1899], К. А. Тимирязева [Известия, 1920, 29 апреля; Памяти К. А. Тимирязева, 1936; Пролетарская культура, 1920, с. 1—3], И. А. Стебута) [Броунов, 1904; Клинген, 1904; Фортуна-тов, 1904], в российской периодике целенаправленно конструировался и фиксировался комплексный положительный образ Академии, который не только помог ей пережить периоды политических гонений, но и стал основой для ее дальнейшей мифологизации в советский и постсоветский периоды.

Историческая антропология рассматривает юбилей как форму ритуала перехода не для индивида, а для целого института. Это момент символического разрыва с повседневностью, подведения итогов и, что самое важное, — перезаключения «общественного договора» между учреждением и государством / обществом. Юбилейные публикации, посвященные Академии, имели строгую, почти каноническую структуру, повторявшую архаичную схему мифа. Так, часть, которую условно можно обозначить «золотой век истоков», должна была характеризовать период учреждения заведения: автор публикации обращается к моменту основания в 1865 году в контексте «великих реформ» Александра II, описанному как акт высшей мудрости и государственной воли, направленный на преодоление отсталости. Тем самым создавался образ «основателя»-благотелья, а сама Академия получала сакральный статус «детища реформ». «Эпопея борьбы и становления» как значимый элемент юбилейного текста соотносилась с описанием трудностей, преодоленных на пути. Это не просто хроника, а повествование о том, как благодаря упорству профессоров и студентов институт утвердил свой авторитет, что придавало драматизм и героизм повествованию об истории академии. Следующий элемент структуры —

перечисление деяний (каталог достижений), детальный список научных открытий, внедренных методик, подготовленных кадров. В терминах антропологии это — демонстрация «даров» сообщества социуму, доказательство его полезности и права на существование и поддержку. Наконец, «галерея предков» предполагала представление выдающихся профессоров и выпускников. Эта часть ритуала непосредственно конструировала «пантеон», выводя из исторической летописи фигуры, достойные почитания и подражания. Через эту структуру происходила «инвенция традиции» (Э. Хобсбаум) — создание ощущения непрерывной и славной истории, необходимой для легитимации текущего положения Академии в настоящем.

Юбилейные публикации выполняли несколько ключевых социальных функций. Легитимация через историю происходила путем апелляции к прошлому и служила самым весомым аргументом в пользу значимости Академии в настоящем. Ссылка на «заветы основателей» была мощным инструментом в дискуссиях о финансировании или реформах. Осуществлялась консолидация корпорации: для студентов, выпускников и преподавателей юбилейный нарратив был актом самоидентификации. Он отвечал на вопросы «Кто мы?», «Откуда мы пришли?» и «Каково наше место в мире?». Чтение об общих победах и героях укрепляло чувство принадлежности к особому сообществу — «тимирязевцам». Юбилей послужил поводом для активной коммуникации с внешним миром, был моментом, когда Академия «заявляла о себе» широкой публике. Публикации в массовых изданиях типа «Нивы» выполняли роль гигантской рекламной кампании, формируя привлекательный образ науки и сельского хозяйства, что было важно для притока абитуриентов и поддержки в обществе.

Юбилей выступал актом публичной легитимации, конструируя коллективную биографию Академии. Юбилей для учебного заведения — это не просто дата, а мощный коммуникативный акт, возможность подвести итоги, сформулировать свои достижения и предъявить их обществу. Для ПСХА, чья история была отмечена конфликтами, юбилеи стали шансом перевести разговор о себе из плоскости «проблемности» в плоскость «служения». Первым примером формирования изучаемого паттерна стало празднование 25-летия академии (1890 год) фиксировавшего утверждение научного статуса заведения и апелляцию к «здоровым началам». Публикации, посвященные четвертьвековому юбилею Академии, появились в таких изданиях, как «Русские ведомости», «Земледельческая газета», «Вестник Европы». Их общей чертой была осторожность и стремление к конструированию респектабельного образа. Академия только оправлялась от последствий «дела о студенческой столовой» 1876 года и последующих репрессий, и тон публикаций был выдержан в духе примирения и демонстрации лояльности.

Главной темой являлся нарратив научного вклада академии, становление ПСХА как главного центра аграрной науки России. Авторы статей, среди которых были и сами профессора Академии (например, И. А. Стебут), подробно перечисляли достижения в области почвоведения, растениеводства, животноводства [Ковальченко, 1965, с. 112]. Подчеркивалась практическая направленность исследований: выведение новых пород скота, борьба с вредителями, агрохимические опыты. Этот акцент был стратегическим: он доказывал государству и обществу полезность Академии, ее непосредственный вклад в экономическое развитие страны. Вторым аспектом фиксации была трансформация «духа Петровки». Образ «свободомыслящей» Академии не исчез, но был кардинально переосмыслен. Если в 1870-е годы в официальных документах он трактовался как «крамольный дух», то в юбилейных статьях 1890 года он предстал как дух «демократизма», «товарищества» и «бескорыстного служения науке». Ссылаясь на известного публициста И. П. Белоконского, который писал о «здоровых началах», заложенных в Академии, авторы стремились показать, что именно эта особая атмосфера творчества и свободы является залогом научных успехов [Белоконский, 1890, с. 2—3]. Студенческие волнения если и упоминались, то как «печальное недоразумение» прошлого, преодоленное благодаря верности корпорации своим идеалам. Не менее важным фактором являлся процесс создания в юбилейных публикациях пантеона основателей. В юбилейных текстах начал формироваться канонический список «отцов-основателей»: Н. И. Железнов, П. А. Ильенков, А. П. Людоговский. Их образы выстраивались как образы ученых-практиков, патриотов, заложивших прочный фундамент. Это был важный шаг к созданию собственной героической генеалогии.

Юбилей 1915 года отмечался в разгар Первой мировой войны, что наложило на его освещение глубокий отпечаток. Освещение деятельности академии осуществлялось в контексте войны и необходимости отстаивания национальной идентичности. Помимо традиционных тем в публикациях в «Русских ведомостях», «Речи» и специализированных изданиях появились новые мотивы. Прежде всего мейнстримом становится нарратив национального служения. Лейтмотивом юбилейных материалов стала тема вклада Академии в оборону страны. Говорилось о работе ее лабораторий для нужд армии, о помощи раненым, о том, что повышение урожайности — это тоже вклад в победу. Этот нарратив позволял максимально усилить патриотическую составляющую образа Академии, представить ее как неотъемлемую часть национального организма в час испытаний [ЦГАМ, ф. 459, оп. 2, д. 143, л. 5—12].

Вторым не менее важным моментом являлось углубление исторической рефлексии. Полувековой рубеж позволил авторам, среди которых вы-

делялся профессор А. Ф. Фортунатов, взглянуть на историю Академии более масштабно и системно [Фортунатов, 1915, с. 40]. В его статье в «Вестнике Европы» история ПСХА увязывалась с общим ходом развития России после 1861 года. Конфликты с властью теперь подавались не как «недопонимания», а как закономерные этапы роста национального самосознания и борьбы за прогресс. «Дух Петровки» окончательно канонизировался как дух интеллектуальной и гражданской независимости. Таким способом осуществлялась легитимация академии через связь с «золотым веком» реформ. Подчеркивалась неразрывная связь Академии с эпохой Александра II. Ее представляли как живой памятник великим реформам, чьи идеи она продолжает воплощать в жизнь. Это была тонкая полемика с консервативными кругами, ставившими под сомнение необходимость либеральных преобразований. Таким образом, юбилейные публикации последовательно выстраивали образ Академии от лояльного научно-практического учреждения (1890) до важнейшего института национальной жизни, чья история является неотъемлемой частью истории российского освободительного движения (1915).

3.2. Некрологи как механизм формирования корпоративного пантеона и адаптация ритуальных практик к смене политических режимов

Если юбилей был коллективным ритуалом, то некролог — индивидуальным, но не менее важным для всей корпорации. Смерть выдающегося ученого была кризисным моментом, угрожавшим разрывом в цепи научной преемственности. Некрологический текст выполнял работу по «снятию» этого кризиса, превращая утрату в акт укрепления традиции. Некролог ученого из Тимирязевской академии конца XIX — начала XX веков по своей структуре удивительно напоминал агиографию в средневековой традиции, вобравшей в себя структурно несколько компонентов. Раздел, посвященный истокам жизненного пути ученого, включал упоминания о его происхождении, которое нередко подчеркивало призвание, избранность выбранного маршрута — будь то принадлежность к семье ученых или же упорное преодоление жизненных препятствий на пути к образованию. Жизненный путь представлялся не как случайная последовательность событий, а как целенаправленное служение Истине (науке) и Отечеству. Каждая веха (защита диссертации, получение кафедры, главный труд) была ступенью в этом служении. Перечень ключевых достижений ученого — это аналог «чудес», совершенных святым. Они доказывали его избранность и божественный (в секулярном смысле — гениальный) дар. Открытия К. А. Тимирязева в физиологии растений или система травополья В. А. Вильямса описывались как акты, преобразившие мир. Указание

личностных качеств при описании характера — «кристальная честность», «неутомимая энергия», «глубокий ум», «преданность ученикам» — создавали идеализированный образ ученого-подвижника, эталон для подражания. Смерть описывалась не как трагический конец, а как завершение земного пути и переход в вечность — в историю науки. Акцент делался на том, что дело ученого живет в его трудах, школе и последователях. Таким образом, через некролог происходила научная канонизация ученого, его имя вносилось в пантеон славы Академии, а его биография становилась частью корпоративного мифа.

Анализ массива публикаций позволяет выделить ядро «пантеона» Тимирязевской академии. Каждая фигура в нем выполняла определенную символическую функцию. К. А. Тимирязев — пророк и мученик науки. Его образ сочетал гениального ученого-естественника и борца за просвещение. Популяризаторская деятельность и конфликты с властями (в дореволюционный период) создавали ореол мученика за идеи. После революции его образ был адаптирован под новые идеологические реалии, став символом «народной науки». В. Р. Вильямс — архитектор и организатор. Создатель учения о почвообразовании и травопольной системы, он олицетворял синтез теории и практики, способность науки предлагать глобальные, системные решения аграрных проблем. Его фигура символизировала могущество человеческого разума, преобразующего природу. Д. Н. Прянишников предстает в некрологах и юбилейных статьях как выдающийся наставник и основоположник научной школы. В этих текстах особое внимание уделяется значительному числу его учеников, многие из которых стали ведущими специалистами в области отечественной агрохимии. Его образ олицетворяет собой научную преемственность, показывая, как ценные знания бережно сохраняются и передаются от учителей к ученикам, формируя устойчивые традиции научного развития. И. А. Стебут — хранитель традиций, один из старейших деятелей. Его фигура символизировала связь времен в жизни Академии и даже в истории русской агрономии. Эти и другие ученые были не просто выдающимися личностями; в пространстве периодической печати они становились архетипами, олицетворяющими разные грани идеального ученого: мудреца, подвижника, учителя, практика.

Разные типы изданий выступали в роли «ритуальных площадок», каждая из которых обладала собственной спецификой в отправлении обрядов памяти и предназначалась для определенной аудитории. Специализированные издания («Вестник русского сельского хозяйства») выступали в качестве аналога «внутреннего святилища». Здесь ритуал был наиболее детализированным, тексты были насыщены профессиональной терминологией. Некрологи и юбилейные обзоры были обращены к «посвящен-

ным) — коллегам, которые могли в полной мере оценить научные заслуги. Здесь формировался «официальный» канон. Общественно-политические журналы («Русская мысль», «Вестник Европы») служили площадкой для диалога с интеллектуальной и политической элитой. Здесь образ ученого и Академии встраивался в общенациональный культурный контекст, представлялся как часть прогрессивного развития России. Массовые иллюстрированные издания («Нива», «Огонёк») служили пространством «народного празднества». Ритуал здесь был зрелищным и упрощенным. Ключевую роль играл визуальный ряд: портреты ученых с мудрым взглядом, виды опытных полей, лабораторий. Эти образы создавали эмоциональную связь, превращая сложную научную деятельность в понятный и уважаемый символ прогресса. Ученый представал не как кабинетный затворник, а как деятель, близкий к земле и народу.

Смена политических режимов (от империи к советской власти) стала серьезным испытанием для сложившейся системы ритуалов. Антропологически это можно рассматривать как попытку новой власти навязать свою «сакральную историю». Советская власть требовала пересмотра пантеона и изменения акцентов в юбилейных нарративах. Однако, что примечательно, ядро ритуала оказалось устойчивым. Менялась лексика: «служение национальным интересам» заменялось на «вклад в социалистическое строительство», «революционные заслуги» студентов выдвигались на первый план. Но сама структура — обращение к истории, перечисление достижений, почитание героев (пусть и селективно, с вычеркиванием «неблагонадежных») — сохранялась. Образ К. А. Тимирязева, например, был успешно «канонизирован» повторно, но уже как «борец с царским режимом» и «друг советской власти». Это демонстрирует гибкость ритуальных практик и их способность адаптироваться для сохранения целостности института даже в условиях радикальных внешних изменений.

Апогеем формирования паттерна можно считать некрологи К. А. Тимирязеву (1920). Смерть Климента Аркадьевича Тимирязева в апреле 1920 года и последовавшая за ней волна публикаций стали кульминационным моментом в процессе формирования паттерна славы Академии. Хотя советская власть уже начала процесс ее переименования, основные некрологи, особенно в научной и бывшей либеральной прессе (например, статья В. И. Вернадского), опирались на тот образ, который складывался десятилетиями [Вернадский, 1920, с. 95]. В некрологах К. А. Тимирязев был представлен как идеальное воплощение «духа Петровки», яркий синтез ученого и борца. Его фундаментальные работы по физиологии растений («Жизнь растения») напрямую увязывались с его общественной борьбой — за доступность образования, против обскурантизма, за Дарвина,

против царской бюрократии. Его увольнение из Московского университета в 1911 году в знак протеста против политики Л. А. Кассо подавалось не как частный эпизод, а как закономерный поступок человека, воспитанного в стенах ПСХА [Лункевич, 1926, с. 21]. На первый план в некрологах выходит символическое слияние личности и учреждения. К. А. Тимирязев был охарактеризован как «совесть Академии», ее воплощенный в личности символ. В его биографии прочитывалась биография всего вуза, начало пути в эпоху реформ, конфликты с властью, неизменная верность идеалам служения народу через науку.

Таким образом, его личная канонизация автоматически означала канонизацию Академии. Таким образом, в дореволюционный период зародился, а в начальные годы советской власти окончательно сформировался и укрепился трехкомпонентный паттерн признания значения Академии наук: наука, свободомыслие, служение. Этот канонический образ, запечатленный в юбилейных публикациях и некрологах, объединил в себе ключевые элементы прославления: мировое признание научных достижений в области физиологии, проявление свободомыслия посредством последовательной гражданской позиции, а также преданное служение обществу благодаря активному просвещению и стремлению удовлетворять практические потребности сельскохозяйственной сферы. К. А. Тимирязев занял особое положение, сделав своё имя вечным символом, неразрывно связанным с Академией, олицетворяя безупречную научную репутацию и высокий моральный авторитет. Это был мощнейший акт символического капиталовложения. В контексте исследования интерес представляет механика конструирования паттерна: риторических стратегий и выбора площадок. Анализ массива публикаций позволяет выявить конкретные риторические приемы, которые использовались для формирования нужного образа. Прежде всего, необходимо указать на селекцию фактов. Авторы юбилейных статей и некрологов проводили тщательный отбор событий. Активно муссировалась, например, история с «прошением о столовой» 1876 года как пример гражданской смелости студентов (среди которых был и В. Г. Короленко), но замалчивались или сглаживались более радикальные эпизоды студенческого движения.

Примечателен прием введения бинарных оппозиций. Построение образа часто шло через противопоставление: «прогрессивная наука ПСХА» vs «косность чиновничества»; «демократизм Петровки» vs «казенщина казенных вузов»; «служение народу» vs «карьеризм». Эти оппозиции способствовали формированию чётко очерченной идентичности. Важным аспектом механизма конструирования паттерна является обращение к признанным авторитетам. Приводя мнения таких признанных научных фигур,

как В. И. Вернадский или И. П. Бородин, о значении Академии или ее профессоров, авторы статей повышали убедительность своих тезисов. Нельзя не отметить и роль прессы: именно либеральная пресса («Русские ведомости», «Вестник Европы») и отраслевые научно-популярные журналы обладали необходимым кредитом доверия у интеллигентской аудитории и были заинтересованы в продвижении ценностей просвещения, науки и общественного служения, которые составляли стержень паттерна славы ПСХА.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ показывает, что юбилейные публикации и некрологи в периодической печати Российской империи и раннего советского периода были не просто пассивными регистраторами событий, связанных с Петровской сельскохозяйственной академией, а выступали в качестве активных и высокоэффективных инструментов стратегической коммуникации, целенаправленно участвуя в конструировании ее публичной идентичности. Многочисленные трудности и противоречивые этапы исторического пути Академии получили художественное переосмысление, воплотившись в стройный и героизированный сюжет, структурообразующим элементом которого стал триединый паттерн славы: передовая наука, свободомыслие и служение народу. Юбилеи позволяли актуализировать этот нарратив в масштабе всего учреждения, связывая его с общенациональными задачами и историческим контекстом. Некрологи, в свою очередь, персонифицировали его, создавая галерею героев, чьи личные качества и биографии становились живым подтверждением справедливости этого нарратива. Апогеем этого процесса стала канонизация К. А. Тимирязева, в образе которого все компоненты паттерна сошлись воедино. Сконструированный прессой образ оказался чрезвычайно жизнеспособным. Он не только помог Академии сохранить «лицо» и авторитет в периоды политических преследований, но и обеспечил ей прочные симпатии со стороны научной и либеральной общественности. Этот медийно созданный «бренд» оказался настолько сильным, что был принят и одобрен советской властью, увидевшей в «Тимирязевке» готовый символ союза науки, прогресса и народности. Таким образом, паттерн славы, сформированный на страницах периодики XIX — начала XX веков, продолжает оставаться фундаментальной основой исторической репутации Тимирязевской академии вплоть до наших дней. С точки зрения исторической антропологии, юбилейные публикации и некрологи о Тимирязевской академии в периодической печати были не просто отражением ее истории, а активным инструментом ее созидания. Это были ритуалы, через которые академическое сообщество буквально «вписало себя» в большую историю России. Эти тексты-риту-

алы выполняли фундаментальные для выживания сообщества функции: они создавали общую идентичность, легитимизировали существование института перед лицом государства, предлагали модели для подражания и смягчали кризисы, вызванные уходом ключевых фигур. Формируя «пантеон славы», Академия создавала свой символический капитал — неосязаемый, но крайне важный ресурс, который позволял ей привлекать таланты, приобретать и сохранять авторитет в течение десятилетий. Таким образом, газетная полоса или журнальная страница становились своего рода «символическим полем», где велась постоянная работа по производству и воспроизводству «священной истории» Тимирязевской академии — истории не столько о прошлом, сколько о праве на будущее.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ЦГАМ — *Центральный* государственный архив г. Москвы. Ф. 459 — о праздновании 50-летия ПСХА. Оп. 2. Д. 143. Л. 5—12.
2. *Белоконский И. П.* По поводу 25-летия Петровской академии / И. П. Белоконский // *Русские ведомости* : [газета]. — 1890. — № 295. — С. 2—3.
3. *Некролог К. А. Тимирязева.* Большевики работают для счастья народа // *Известия* : [газета]. — 1920. — 29 апреля. — С. 1.
4. *Памяти К. А. Тимирязева* // *Пролетарская культура* : [газета]. — 1920. — № 15—16. — С. 1—3.

Литература

1. *Броунов П. И.* Современные вопросы русского сельского хозяйства : к 50-летию юбилею И. А. Стебута / П. И. Броунова. — Санкт-Петербург : Изд. почитателей и учеников И. А. Стребута, 1904. — 578 с.
2. *Букина Т. Г.* Некролог как биографический жанр : этикетно-прагматический аспект / Т. Г. Букина // *Известия Уральского федерального университета.* Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2020. — Т. 26. — № 2 (197). — С. 35—41. — DOI: 10.15826/izv1.2020.26.2.028
3. *Вернадский В. И.* Памяти К. А. Тимирязева как гражданина и ученого / В. И. Вернадский // *Известия Российской Академии наук.* — 1920. — Т. XIV. — С. 95.
4. *Евтушенко А. Г.* Юбилей как ключ к пониманию духовных устремлений нации / А. Г. Евтушенко // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.* — 2012. — № 1 (45). — С. 93—96.
5. *Клинген И. Н.* Иван Александрович Стебут / И. Н. Клинген // *Современные вопросы русского сельского хозяйства.* — 1904. — Т. 28. — С. XI—LI.
6. *Ковальченко И. Д.* Столетие Петровской сельскохозяйственной академии и развитие аграрной науки в России / И. Д. Ковальченко // *Отечественная история.* — 1965. — № 4. — С. 112.
7. *Лотман Ю. М.* Семиосфера [Сб.] / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 703 с. — ISBN 5-210-01562-9.

8. Лункевич В. В. Откуда и как пошел род людской Происхождение человека / В. В. Лункевич. — 2-е изд. — Ленинград : Начатки знаний, 1926. — 80 с.
9. *Минувшее* : исторический альманах. — Москва : Прогресс : Феникс, 1990, 1992. — Выпуск 10. — 510 с.
10. Никиташина С. О. Некрологи об ученом И. В. Мушкетове как исторический источник / С. О. Никиташина // Документ в современном обществе : между прошлым и будущим : тезисы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 7—8 апреля 2017 г. / Урал. федер. ун-т им. Б. Н. Ельцина, Рос. гос. проф. -пед. ун-т. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — С. 348—351. — ISBN 978-5-7996-1932-9.
11. Памяти К. А. Тимирязева [Текст] : сборник докладов и материалов сессии Биол. ин-та им. К. А. Тимирязева, посвященной 15-летию со дня смерти К. А. Тимирязева. 1920—1935 / Под ред. П. П. Бондаренко, Б. П. Токина, Е. Е. Успенского. — Москва ; Ленинград : Биомедгиз, 1936. — 315 с.
12. Рейтблат А. И. Некролог как биографический жанр / А. И. Рейтблат, К. В. Душенко // Вестник культурологии. — 2015. — № 2. — С. 69—71.
13. Репина Л. П. Международная научная конференция «История, память, идентичность : теоретические основания и исследовательские практики» / Л. П. Репина, О. В. Воробьева, Т. Н. Иванова, Е. Н. Кириллова // Диалог со временем. — 2017. — Выпуск 59. — С. 382—395.
14. Собичевский В. Т. Воспоминание о М. К. Турском / В. Т. Собичевский. — Санкт-Петербург : Тип. СПб. градоначальства, 1899. — 13 с.
15. Фортунатов А. Ф. Иван Александрович Стебут (к пятидесятилетию его деятельности). 1854—1904 / А. Ф. Фортунатов. — Москва : Тип. О. Л. Сомовой, 1904. — 9 с.
16. Фортунатов А. Ф. Из истории Петровской академии / А. Ф. Фортунатов // Вестник Европы. — 1915. — Книга 10. — С. 40—52.
17. Фортунатов А. Ф. Несколько слов о М. М. Щепкине / А. Ф. Фортунатов // Вестник сельского хозяйства. — 1921. — № 7. — С. 2.
18. Хазагеров Г. Г. Проблема создания образа ученого в юбилейных материалах / Г. Г. Хазагеров, Е. Ю. Щемелева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 4 (46). — Ч. 2. — С. 203—206.
19. Щепкин Д. М. Митрофан Павлович Щепкин : Очерк деятельности / Д. М. Щепкин. — Москва : Тип. О-ва р. п. книг, преемник В. И. Воронов, 1910. — 73 с.
20. Юбилей заслуженного профессора И. А. Стебута // Известия Северо-Западного управления с.-х. опытного дела. — Петроград : [б. и.], 1923. — Выпуск I—II. — С. 36.
21. Turner V. W. The Ritual Process : Structure and Anti-Structure / V. W. Turner. — New York : Cornell University Press, 1991. — 224 p.

*Статья поступила в редакцию 06.10.2025,
одобрена после рецензирования 08.12.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.*

Material resources

Belokonsky, I. P. (1890). On the occasion of the 25th anniversary of the Petrovsky Academy. *Russian Vedomosti: [newspaper]*, 295: 2—3. (In Russ.).
CGAM — Central State Archive of Moscow. F. 459 — on the celebration of the 50th anniversary of the PSA. Op. 2. D. 143. L. 5—12. (In Russ.).

In memory of K. A. Timiryazev. (1920). *Proletarian culture: [newspaper]*, 15—16: 1—3. (In Russ.).

Obituary of K. A. Timiryazev. (1920). The Bolsheviks are working for the happiness of the people. *Izvestia: [newspaper]*. April 29. P. 1. (In Russ.).

References

- Anniversary of the Honored Professor I. A. Stebut. (1923). In: *Izvestiya Severo-Zapadnogo upravleniya S.-H. opytное delo, I—II*. Petrograd: [b. i.]. P. 36. (In Russ.).
- Bondarenko, P. P., Tokin, B. P., Uspensky, E. E. (1936). *In memory of K. A. Timiryazev [Text]: Collection of reports and materials of the session of the K. A. Timiryazev Biological Institute dedicated to the 15th anniversary of K. A. Timiryazev's death. 1920—1935*. Moscow; Leningrad: Biomedgiz. 315 p. (In Russ.).
- Brownov, P. I. (1904). *Modern issues of Russian agriculture: towards the 50th anniversary. anniversary of I. A. Stebut*. St. Petersburg: Publishing house of admirers and students of I. A. Stebut. 578 p. (In Russ.).
- Bukina, T. G. (2020). Obituary as a biographical genre: a etiquette and pragmatic aspect. *Proceedings of the Ural Federal University, Series 1, Problems of Education, Science and Culture*, 26 / 2 (197): 35—41. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.2.028. (In Russ.).
- Fortunatov, A. F. (1904). *Ivan Aleksandrovich Stebut (on the fiftieth anniversary of his activity). 1854—1904*. Moscow: O. L. Somovoy Publishing House. 9 p. (In Russ.).
- Fortunatov, A. F. (1915). From the history of the Petrovsky Academy. *Bulletin of Europe*, 10: 40—52. (In Russ.).
- Fortunatov, A. F. (1921). A few words about M. M. Shchepkin. *Bulletin of Agriculture*, 7: P. 2. (In Russ.).
- Khazagerov, G. G., Shchemeleva, E. Y. (2015). The problem of creating the image of a scientist in jubilee materials. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 4 (46) / 2: 203—206. (In Russ.).
- Klingen, I. N. (1904). Ivan Aleksandrovich Stebut. *Modern issues of Russian agriculture*, 28: XI—LI. (In Russ.).
- Kovalchenko, I. D. (1965). The centenary of the Petrovsky Agricultural Academy and the development of agrarian science in Russia. *Russian history*, 4: P. 112. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere [Collection]*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. 703 p. ISBN 5-210-01562-9. (In Russ.).
- Lunkevich, V. V. (1926). *Where and how did the human race come from the origin of man*. Leningrad: Rudiments of Knowledge. 80 p. (In Russ.).
- Nikitashina, S. O. (2017). Obituaries about scientist I. V. Mushketov as a historical source. In: *Document in modern society: between the past and the future: abstracts of the X All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 7—8, 2017*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 348—351. ISBN 978-5-7996-1932-9. (In Russ.).
- Reitlat, A. I., Dushenko, K. V. (2015). Obituary as a biographical genre. *Bulletin of Cultural Studies*, 2: 69—71. (In Russ.).
- Repina, L. P., Vorobyeva, O. V., Ivanova, T. N., Kirillova, E. N. (2017). International scientific conference “History, memory, identity: theoretical foundations and research practices”. *Dialogue with time*, 59: 382—395. (In Russ.).
- Shchepkin, D. M. (1910). *Mitrofan Pavlovich Shchepkin: An essay on activity*. Moscow: Type. The island of R. P. books, the successor of V. I. Voronov. 73 p. (In Russ.).

- Sobichevsky, V. T. (1899). *The memory of M. K. Tursky*. St. Petersburg: Tip. SPb. city government. 13 p. (In Russ.).
- The past: a historical almanac, 10.* (1990, 1992). Moscow: Progress: Phoenix. 510 p. (In Russ.).
- Turner, V. W. (1991). *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. New York: Cornell University Press. 224 p.
- Vernadsky, V. I. (1920). In memory of K. A. Timiryazev as a citizen and scientist. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences, XIV*: P. 95. (In Russ.).
- Yevtushenko, A. G. (2012). Jubilee as a key to understanding the spiritual aspirations of the nation. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, 1 (45)*: 93—96. (In Russ.).

*The article was submitted 06.10.2025;
approved after reviewing 08.12.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*